

Пиковая дама: ужас жизни и восторг смерти? | The Queen of Spades: fear of life or joy of death?

Автор: Марина Охримовская , , 08.04.2014.

Пиковая дама. Герман - Александр Антоненко (© Monika Rittershaus)

6 апреля в Оперном театре Цюриха состоялась премьера «Пиковой дамы». Режиссер Роберт Карсен преобразил музыкальную драму П. Чайковского в триллер с элементами мистики и эротики.

|
On the 6th of April Opernhaus Zurich presented its production of "The Queen of Spades". The director Robert Carsen turned Tchaikovsky's opera into a thriller with the elements of mysticism and erotic.

The Queen of Spades: fear of life or joy of death?

«Пиковая дама» известна и любима в Европе давно. Александр Пушкин написал этот «психологический детектив» в 1833-м. Через шестнадцать лет Проспер Мериме сделал французский перевод. Композитор, и тоже – француз, Ф. Галеви превратил его в оперу. Вскоре сюжет вдохновил австрийского композитора Франца фон Зуппе. Петр Чайковский создал музыку к «Пиковой даме» за 44 дня ранней весной 1890 года во Флоренции.

Опера впервые была показана публике 19 декабря того же года в Мариинском театре Санкт-Петербурга. Затем состоялись постановки в Киеве, Праге, Вене, Москве, Нью-Йорке, Лондоне, Цюрихе... За столетие «Пиковая дама» завоевала мир и вошла в сокровищницу мирового искусства. В прошлое воскресенье Цюрих вновь услышал знаменитый шедевр российского композитора. Свою версию «Пиковой дамы» представил публике Роберт Карсен.

60-летний канадский режиссер известен новаторскими решениями. Его смелым постановкам рукоплескали многие театры по обе стороны Атлантики. Зритель ждал интриги, и не обманулся. Мастерски оперируя языком современных художественных символов, бережно, с благоговейным почтением и очень поэтично раскрывает Карсен главную тему творчества Чайковского – столкновение страстного стремления человека к счастью с жестокой действительностью.

Если верить древним, поэзией жизни управляют Эрос и Танатос. Эрос – восторг любви – побуждает понимать мир, как дар, который надо сполна прожить, с благодарностью принимая счастье и несчастье. Танатос – ужас смерти – требует не столько жизни, сколько истления ради возврата в своего рода «черный» Эдем, где нет противоречий, все целостно, нет борьбы между желаниями и возможностями, нет конфликта между внутренним «я» и внешним миром.

Тема очарования

Лиза (Татьяна Моногарова) и Герман (Александр Антоненко) (© Monika Rittershaus/Zurich Opera)

неизбежностью смерти в спектакле преобладает. В костюмах (Бригит Райффенштел) доминирует траурный черный. По замыслу режиссера действие перенесено из XVIII

века в XX, при этом приметы времени в глаза не бросаются. Скорее события происходят в каком-то безвременном пространстве. А может, в вечности? Не определено и место. Но уж точно это не Летний сад, не дом сановника, не балкон, не казарма, не набережная реки Канавки в Санкт-Петербурге.

Где мы и кто? Можно только догадываться. Возможно, это казино, где каждый мечтает угадать три выигрышные карты, или брокерская контора, или финансовая биржа? А может быть, это гроб, обитый изнутри зеленой стеганой материей? Огромный гроб, вмещающий и театр, и Швейцарию, и всю нашу зеленую планету. И несется он в непроглядной черноте на космической скорости к хаосу, к смерти. Делайте ставки, господа! На кону ваши жизни!

И в этом адском очаровании неопределенности неподражаемая Дорис Зоффель совершает нечто такое, что заставляет зал вздрогнуть от жути. Графиня, лейтмотив образа которой собственно и есть смерть, на глазах зрителей превращается из надменной, властной, еще весьма и весьма привлекательной дамы в зловещую, немощную старуху и ... умирает. Метаморфоза столь стремительна и убедительна, что сердце уходит в пятки.

А вот Лиза (Татьяна Моногарова), наперекор традиции, не погибает. Во всяком случае, это не очевидно. Режиссер, кажется, симпатизирует героине. Перед нами не наивная мечтательница, а сильная, страстная натура, душой и телом смело бросающая вызов пламенной любви и готовая побороться за счастье. И только осознав низость и пошлость возлюбленного, не в силах принять действительность, она теряет рассудок. Но ведь это еще не смерть?

Неудачник Герман обречен с первой ноты. Он - аутсайдер по определению. Неродовит, беден, молчалив, угрюм. Пренебрегая здравым смыслом и хорошими манерами, он идет в прямом смысле слова по трупам в бездну зла. Он не «лирик и мечтатель страстный», как задумывал его Чайковский, а холодный, неврастеничный циник, одержимый жаждой денег, каким его создал Пушкин. В исполнении уже знакомого читателям Нашей Газеты.ch [Александра Антоненко](#) этот неоднозначный тип зримо тяготеет к пушкинскому оригиналу.

Графиня (Дорис Зоффель) (© Monika Rittershaus/Zurich Opera)

В театре есть такой прием, когда зал превращается в сцену, и актеры играют среди

публики. Карсен сделал обратное. Как по волшебству, он сценическую площадку «отмасштабировал» до объемов зала. В глубине сцены поставили гроб Графини, а перед ним, спиной к публике, усадили полсотни актеров в глухом трауре. И тысяча двести зрителей – именно столько вмещает Оперный театр Цюриха – оказались на отпевании усопшей. Душа холодела.

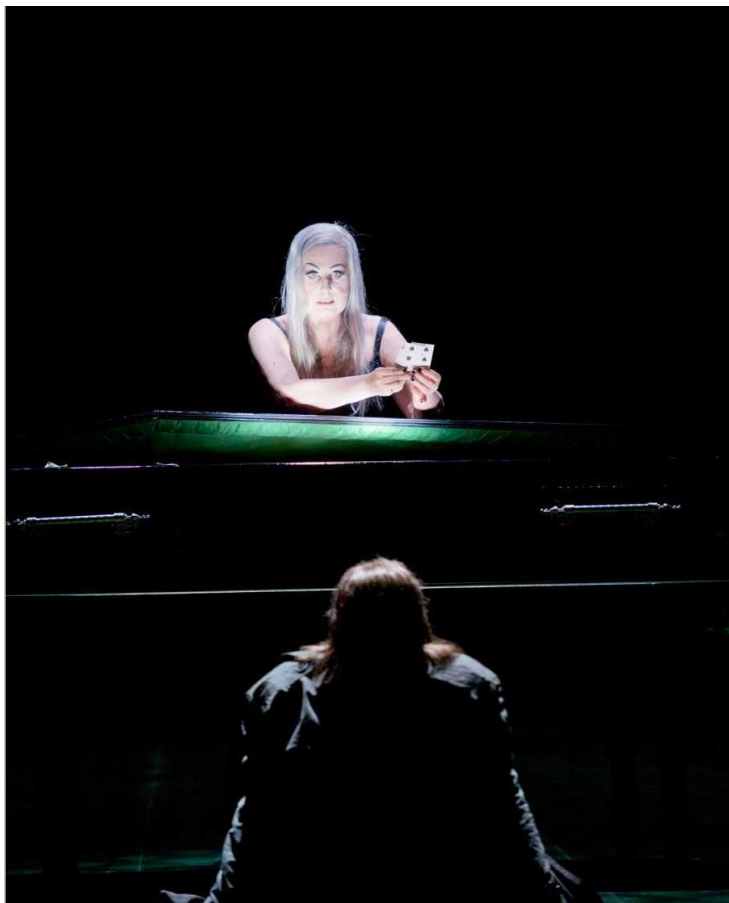
Идиллический дуэт Лизы и Полины (Анна Горячева в пышной юбке «от Диора») на слова Жуковского «Уж вечер... облаков померкнули края», спетый очень лирично и трогательно в кругу подруг, предварен интересной сценой с красивыми элементами намеков на раздевание. Все движения чрезвычайно точны, эстетичны: там обнажились мраморной белизны плечи, тут – лебединая шея, изящная щиколотка, влекут взгляды ухоженные босые ножки артисток.

Раздеваться не раздеваясь будет и Лиза, появляясь перед зрителем то в элегантном черном маленьком платье с полупрозрачными рукавами-крылышками, то в плотно обтягивающей, разумеется, черной комбинации, подчеркивающей соблазнительные линии живого женского тела. Разоблачится, оставшись одетой, и Графиня. И только Герман будет метаться по сцене в длиннополом каком-то пыльном плаще и дорожных ботинках. И ни разу ничего не снимет, даже залезая с ногами на кровать.

Роскошная, с огромными белоснежными подушками и стеганым зеленым покрывалом кровать спустится в зал с небес в конце второго акта. И на этом будут красиво происходить всякие ужасные чудеса. Среди остальных придумок – четырнадцать больших зеленых игровых столов и пятьдесят шесть зеленых стульев, которые, являясь полноправными участниками сюжета, выделяют по ходу спектакля разнообразные па.

«Пиковая дама» - одно из величайших творений мирового оперного искусства. Эта, испытывавшая множество постановок, музыкальная трагедия потрясает психологической правдивостью воспроизведения мыслей и чувств героев, их страданий и надежд. Музыкально-драматическое развитие чрезвычайно напряжено. Светлые любовно-лирические сцены гармонично перемежаются со зловещими сценами неизбежной гибели, усиливая контраст.

Даже несмотря на преобладани

Графиня (Дорис Зоффель) и Герман (Александр Антоненко) (© Monika Rittershaus/Zurich Opera)

е настроений безысходности и абсурда, широкие светлые тона, такие, как полная благородной сдержанности ария князя Елецкого (Бриан Муллиган) «Я вас люблю», сохранили притягательное обаяние. В тотально мистической атмосфере балагур и кумир «золотой молодежи» граф Томский (Алексей Марков), также, как и Полина, - среди тех, кто похожи скорее на живых, любящих торжество жизни людей, чем на роковые персонажи картины ужасов.

Музыка, музыка... Музыка нежная и печальная, грозная и мрачная. Страстно-жалобная и спокойная, любовно-лирическая и зловещая, полная светлой грусти и трагическая, острая и нервная. Заупокойное пение и завывание бури, и мертвенно-неподвижная музыка при появлении призрака Графини. И привольно льющееся ариозо Лизы «Ах, истомилась, устала я». И полное отчаяния и гнева «Так это правда, со злодеем». И замечательный по глубине эпизод бреда Германа о золоте.

Герман точно знает ответ, зачем нам жизнь дана. Упоение победой и жестокая радость звучат в его ариозо:

*«Что наша жизнь - игра,
Добро и зло, одни мечты.
Труд, честность, сказки для бабья,
Кто прав, кто счастлив здесь, друзья,
Сегодня ты, а завтра я».*

Увы... Несчастный обезумел, попался в ловушку адской машины злодейки-судьбы. Пиковая дама смешала карты, и он проиграл. Завершают оперу пистолетный выстрел, тихая молитва и трепетно-нежная тема любви в оркестре, ведомом

опытным дирижерским талантом Иржи Белоглавека. И оркестр, и хор под управлением Юрга Хеммерли на протяжении всего действия звучат очень гармонично, иногда кажется, что вместе с ними играют и поют ангелы небесные.

Но вот последний аккорд. Спектакль окончен. Закончилась чья-то земная жизнь. И мир стал другим – немного добрее, искреннее, немного больше любви. Зал замирает на кратчайшее мгновение, приходит в себя, возвращается из мира условного, художественного в реальный. И... взрывается восторженными овациями.

Задолго до нашего века классическая трагедия выросла на исконном конфликте между разумом и страстью. Искусно совмещая божественный замысел предвидения с очарованием заблуждения, театр просто обязан слышать «шорох времени», иметь дерзость и талант его запечатлеть. Создателям «Пиковой дамы» без сомнения удалось сотворить точку поэтического напряжения в пространстве и времени извечной борьбы Добра и Зла.

От редакции: Спектакль будет идти на сцене Оперного театра Цюриха еще несколько раз в апреле, а затем в мае. Уточнить даты и заказать билеты легче всего на [сайте театра](#).

О жалкий его жребий... (© Monika Rittershaus/Zurich Opera)

[культура Швейцарии](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/cultura/17456>